

Новая Польша 7-8/2015

0: О КНИГАХ

Когда мы решили, что темой нашего сегодняшнего разговора будут книги, вы сказали — как всегда, чуть шутиливо и вскользь: ну да, ведь книги — это главное. И попали в самую точку. Для меня, во всяком случае, они — главное. Совсем недавно я понял, что жизнь моя прошла на верхней ступени стремянки, с которой достают книги — те, что читают редко, те, что стоят под потолком.

С книгами — как с сановниками: чем выше стоят, тем меньше нужны. Так делают все; а я убираю на верхние полки книги, которые предназначены только для меня, которые никто втихаря не сунет за пазуху и не вынесет из дому под пиджаком, как уже случалось. На верхней полке стоят книги, которые, в сущности, наложили отпечаток и на меня, и на мою картину мира. Более того, они также заразили моего, уже, увы, покойного сына, Пётруся, который подавал большие надежды и который помог мне осознать свою роковую привычку — когда однажды вместе с ним и его старшим братом мы ехали на машине по Италии. Я был тогда эмигрантом, и мне удалось устроить им эти каникулы. Везу их по какой-то пленительной местности и говорю: «Мальчики, не болтайте, смотрите лучше в окно, мы же едем по Умбрии!» А Пётрусь мне отвечает: «Да чего я буду смотреть, я могу об этом в книге прочитать...». Тогда я понял, что сын — мой достойный преемник.

Я смотрел на мир сквозь полупрозрачные — как если взглянуть на свет — страницы книг. Это стало моей первой, а не второй натурой. То, с чем я сталкивался непосредственно, открылось мне значительно позже.

Я научился читать, когда мне было года четыре или пять, пользуясь тем обстоятельством, что родился в Лодзи. Я появился на свет в районе, главной улицей которого была улица Пшеязд. Сегодня она носит имя Тувима, хотя Тувим жил на улице Анджея. Характерной особенностью улицы Пшеязд было то, что одну ее сторону занимали дома промышленников-фабрикантов, Хайнца и Кунитцера, которые из чудесного клинкерного кирпича выстроили длинные жилые здания для рабочих. Они, правда, оказались предками тех домов, которые хотел построить Гомулка и которые подтолкнули наверх Эдварда Герек. Гомулке мечтались кварталы домов с отдельными комнатами или маленькими квартирами вдоль очень длинного коридора и одним-единственным общим туалетом в его конце. Когда он рассказал об этом на заседании Политбюро, Эдвард Герек сказал: «Нет, у меня трущоб не будет». И в результате вскоре сделался первым секретарем.

Такие дома — роскошь по сравнению с остальной частью города — построили в Лодзи двое немцев, Хайнцель и Кунитцер. По другую сторону улицы были, разумеется, лавочки, в которых жители этих домов могли покупать хлеб и иногда масло, потому что маргарина тогда еще не было (зато было кокосовое масло «Кунерол»). А мне, поскольку мама посылала меня за покупками, пришлось по вывескам выучиться читать. Это были мои первые буквари. Кроме того, благодаря этим лавочкам, я еще в юности приобрел левые убеждения. Я расскажу, хотя к литературе это, в сущности, отношения не имеет.

Мама велела мне купить яиц у пана Менделя. Мендель был серьезным господином с длинной седой бородой, лежавшей на чистом фартуке; когда я, зажав в руке злотый, вошел в его магазин, Мендель разговаривал с паном Войцехом. Разговор был следующий:

— Это что же, Мендель, — сказал пан Войцех, — ты мне за целый лоток даешь шесть злотых, а сам будешь эти яйца продавать по двадцать грошей штука?

— Видите ли, — ответил пан Мендель, — я купец, должна быть выгода.

— Пан Мендель, — подал голос я, — вы не купец, вы эксплуататор! Я ухожу, а свой злотый отдам Деду!

Дед был другим лавочником, он продавал также и яйца, но в основном торговал солеными огурцами, которые собственноручно вынимал из бочки, почему мама и не позволяла мне у него покупать. Но на сей раз я отправился к Деду, а вернувшись домой, все рассказал маме. Она сказала:

— Ничего не поделаешь, придется тебе ходить в Поддембиче, чтобы покупать дешевые яйца у пана Войцеха, а в магазин больше не пойдешь. Ты слышал, парень? — обратилась она к моему отцу. Когда мама сердилась, то называла его солдатом, а когда была в хорошем настроении, — парнем. — Ты слышал, парень, какой у нас коммунист вырос? — На том и порешили.

Итак, я научился грамоте и вскоре принялся за чтение. Книг дома было много. Мама была учительницей польского, а отец, правда, оказался в своей семье вырождаком, ибо единственный среди детей моего деда-композитора не пошел по творческой стезе. Он работал техником-текстильщиком, а инженером стал только после войны, во времена же, о которых я рассказываю, работал на фабрике неких братьев Зайденберг, которые делали дамские чулки.

Мой дед носил красивое имя Авраам и, как я уже когда-то рассказывал, первым начал использовать орган в синагогальной музыке. Все его дети были очень одарены художественно. Так что книг в нашем доме хватало, но я предпочитал те, которые приносила моя тетя, Хелена Грушецкая, женщина необычайной в то время красоты, комическая актриса. На многих были нежные дарственные надписи от польских писателей, поскольку тетя Хеля явно питала слабость к работникам пера. Так вот, первой прочитанной мною серьезной книгой был роман Витольда Хулевича «Божий странник» — биография Бетховена, которую автор надписал моей тетке с такой нежностью, что я не смею привести здесь его слова. Книгу я прочитал с огромным трудом, но одно, во всяком случае, усвоил: был на свете Бетховен. И только поэтому согласился на кошмарную процедуру, которой подверг меня один из потомков деда.

Двоюродный брат отвел меня в бабушкин дом, где стоял рояль, исключительно затем, чтобы я научился играть на этом инструменте. Он поднял крышку и коснулся клавиши — раздался басовый звук; другой рукой коснулся клавиши справа — раздался тоненький щебет или что-то в этом птичьем роде. После чего брат задал мне идиотский вопрос: «Какой из этих звуков выше, а какой ниже?» Я посмотрел на него, как на кретина, и ответил, что не знаю. «Как это не знаешь? Давай попробуем еще раз!»

Он повторил эту игру несколько раз, но мой ответ оставался прежним: не знаю. В конце концов, брат разозлился, стукнул крышкой мне по пальцам, а вернувшись домой, сказал моей маме: «Твой сын дурак, ничего из этого не выйдет». Когда мама спросила меня, что случилось, я сказал: «Сам он дурак! Если бы он спросил меня, какой звук толще, а какой тоньше, я бы сразу ответил!» На этом мое музыкальное образование закончилось. Вот так я не стал пианистом. Потом меня пытались учить играть на скрипке, но учитель обнаружил, что, играя гаммы, я ставлю на пюпитр книгу и листаю страницы (уже тогда я приобрел эту дурную привычку), и отказался продолжать занятия.

Читал я постоянно, так обстоит дело и по сей день. Должен признаться, что в своем преклонном возрасте — возрасте, который неуклонно приближается к закату, ведь я вышел на финишную прямую — единственное, о чем я действительно сожалею, помимо бесед с людьми, подобными вам, и любования людьми, подобными моей жене, — то нехитрое обстоятельство, что я не успею прочитать все те книги, которые прочитать собирался и которых, быть может, уже и в руки не возьму.

Книг в моей жизни было множество. Когда в 1939 году, по приказу полковника Умястовского — было это, кажется, пятого сентября — мы с отцом вышли из дому, я положил в рюкзак, кроме смены белья и зубной щетки, две: «Смеющегося Пилата» Хаксли и «Лирическую домашнюю аптечку» Кестнера. Хотел взять с собой еще кучу книг, но мать вырвала их у меня из рук, заявив:

— Так ты дойдешь разве что до Новой Сольной, а вам предстоит добраться до Варшавы, где ждет дядя Метек, или до своего полка.

То есть до 36-го Варшавского академического полка «Дети Варшавы», к которому я был приписан.

Книги тем временем — то есть во время между «Божьим странником», которого я тогда еще не понимал, и другими книгами, которые понимал полностью или частично — обеспечили меня самым в моем школьном возрасте главным. Во-первых: им я обязан симпатией моего учителя по польскому языку и литературе Мечислава Яструна.

Второе, что дали мне книги — дружба. Моим товарищем, с которым мы много лет — не скажу, что были неразлучны, но не могли расстаться после уроков — стал мальчик по имени Кароль. Однажды на уроке нам велели написать сочинение — рассказать о недавно прочитанной книге, и мы оба рассказали об одной и той же, довольно редкой. Это были «Сыновья Каина» автора сегодня совершенно забытого. Русский писатель, сын «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской. Я обнаружил его фамилию, читая книги, связанные с Россией, которым посвятил добрую четверть своей, в общем, достаточно долгой жизни — по завету Гедройца. «Сыновья Каина» нас сблизили; это была повесть об ужасных страданиях рабов, которые, видимо, не захотели поселиться в «Хижине дяди Тома».

Чтение мое со временем становилось все более разнообразным. Меня, естественно, привлекала проза, но к классике я не особо тянулся. Я предпочитал писателей менее известных, избегая — как каждый школяр, у которого имеется голова на плечах — списков обязательной литературы. Большинство книг из школьной программы я прочитал снова, уже будучи человеком относительно взрослым — и лишь тогда открыл их очарование. В школьные годы на меня, например, наводил ужасную скуку Бальзак, а также Флобер своей книгой «Саламбо», которую я тогда полагал сухим историческим чтивом, и в подметки не годящимся нашему Сенкевичу, хотя Сенкевич считается первоклассным автором второго сорта, в то время как Флобер почти повсеместно — писателем первосортным. Лишь значительно позже я разглядел тонкость его «Бувара и Пекюше». Даже «Мадам Бовари» не вызвала у меня восторга, а все потому, что эта история, в свое время преследовавшаяся цензурой, стала казаться мне банальной в сравнении с восхитившими меня позже книгами, например, Мопассана или подобными им произведениями немецких писателей, вроде забытого сегодня Эрнста Глэзера, писателя, родившегося в 1902 году, а в 1916-м — ушедшего на фронт. Его «Год рождения 1902» открыл мне глаза не только на судьбу парней, отправленных на бойню.

Из польских писателей наибольший восторг вызывали у меня авторы не слишком известные и сегодня, казалось бы, позабытые. Как, например, Збигнев Униловский или Тадеуш Пайпер, которого я больше люблю как прозаика, чем как поэта, хоть он и был лидером авангарда. С моей точки зрения, лидером он был... как бы это сказать... глуховатым — не ведавшим, что поэзия потому и является форпостом всей польской литературы, что тональная, музыкальная стихия в ней имеет почти такое же значение, как в поэзии русской. «Слышу курантов бой я, здравствуй, меланхолия», как я нередко твержу себе по вечерам. По вечерам, поскольку лишь после дневных трудов, заключающихся в чтении, я принимаюсь за собственные писания.

Память, которая и сегодня редко меня подводит, я натренировал на чтении польской поэзии. Сначала был Тувим, томик стихов которого мама подарила мне, кажется, на двенадцатилетие. Русской поэзии я тогда не знал, поскольку не знал русского языка. Отец мой, как все парни из Конгресувки, во время Первой мировой войны служил в русской армии и, как в русской армии было принято, оказался на другом конце Империи. Кавказских парней посылали к нам — в Варшаву, Лодзь, Калиш. А наших отправляли на окраины Империи. Отец мой сражался на турецком фронте, потом на Двине. Вернулся с Первой мировой с тремя солдатскими орденами Святого Георгия, хотя производил впечатление человека не то что не воинственного, но прямо-таки сугубо гражданского. Однако он был отважен и умел быть решительным. Итак, отцу моему, хоть он и вернулся с этой войны в так называемой «керенке» — фуражке с овальной трехцветной кокардой (во времена Керенского эти кокарды заменили двухглавого царского орла), не разрешали дома петь русские песни и ругаться по-русски, что явно причиняло ему неудобства. Лишь во время бритья он порой пел русские песни, которые я помню до сих пор, и которых не помнят, наверное, даже самые старые кавказские горцы.

Русский язык и русскую литературу я узнал только в России, и отнюдь не на шахте «Краснополье», куда попал уже в октябре 1939 года. На шахте говорили на волапюке, смеси украинских, татарских и греческих слов, поскольку на Донбассе, где находилась эта шахта, была большая греческая диаспора. Первую девушку, с которой я познакомился, выйдя из шахты — хвала ей за всё, что я от нее узнал и на что нагляделся — звали Римма Кристофилис — красивая греческая фамилия. Подлинный, прекрасный русский язык и великолепную русскую поэзию, которая представляет собой историческое алиби этого народа, я выучил несколько позже.

Книги, которые я читал, все время держали меня на поводу — я сознательно употребляю это выражение, — не подпуская к реальности. Есть писатели, которые стали моими избранниками и которых я хотел бы навсегда сохранить в памяти, которые поразили меня своими описаниями совершенно неизвестных мне и без их помощи недоступных событий, людей, характеров; которые указали мне направление для собственных догадок. Таков Стендаль. Я долго жил в Италии, провел там двадцать семь лет, большую часть из которых преподавал в университетах. Так вот, написанное Стендалем об Италии, в сущности, не только открыло мне глаза на то, о чем я мог там догадываться, но и заменило более близкое знакомство с восхитительной страной, которую я знаю очень хорошо, но которую без книг Стендаля узнал бы не лучше туриста. Стендаль, в отличие от других авторов, не совершил ошибки, о которой я, с вашего разрешения, коротко расскажу.

Люди, пишущие об Италии, бывают двух пород: Винкельманы и Стендали. Винкельман — прекрасный знаток искусства, энциклопедист и музейщик, человек, описавший достопримечательности и искусство на уровне почти непревзойденном, сравниться с ним может разве что Муратов — уступает Стендалю во всех отношениях, поскольку знал лишь мир древности, лишь достопримечательности, произведения искусства. Самый значительный представитель вида Винкельманов — Маркиз де Сад. Де Сад, прежде чем создал свои знаменитые опусы, повествующие о наслаждении издеваться над ближними и собой, издал книгу в форме писем к одной несуществующей маркизе, где, в частности, замечал: «Италия была бы прекрасна, кабы не присутствие итальянцев, народа отвратительного, ибо склонного к разврату, разнузданного и грязного». Так он выразился о

стране, где первое, что бросается в глаза в любом городишке, — протянутые от окна к окну, поперек улицы, веревки, на которых сушится чисто выстиранное белье. Такое ощущение, будто итальянцы все свободное время между моментами любовных увлечений посвящают исключительно стирке. Так вот, Винкельманы полагают этот народ достойным презрения, поскольку не знают его языка. Стендаль же и другие, те, кто узнал Италию по-настоящему — что-то в ней понимают и все же любят. Стендали так блестяще знают не только язык, но и диалекты, что величайший из Стендалей завещал написать на своем надгробии: «Анри Бейль, миланец». Ведь любил он не только Милан и одну миланку, кстати говоря, польского происхождения, неверную генеральскую жену.

На момент объединения, в 1871 году, итальянцы итальянского не знали. В 1871 году, когда состоялся плебисцит, в результате которого Италия была объединена и принят общий язык, на языке этом говорил всего миллион итальянцев. То были тосканцы, чей диалект объявили национальным языком Италии и итальянцев, поскольку на нем писал и Данте, и Петрарка, и Боккаччо. И даже более того — еще раньше на нем писал первый итальянский поэт, гениальный, один из величайших властителей истории, Фридрих II Штауфен, Федерико Свево, который правил не Тосканой и не Римом, подчинявшимися Папе римскому, а Апулией и Сицилией. Человек, который под давлением Папы римского отправился в крестовый поход, чтобы договориться или убить тогдашнего правителя Палестины. Фридрих II заключил с ним священный мир, благодаря чему крестоносцы держали в своих руках крепости и порты, а некоторое время — даже Иерусалим. Он вернулся в свою столицу, Бари, и был проклят Папой, поскольку вместо того, чтобы убивать, подписал с врагом мир. Так вот, Федерико был автором первых сонетов, написанных по-итальянски, для которых он выбрал не апулийский диалект, а именно тосканский. И когда я преподавал в Бари, а мои студенты на переменах болтали между собой на местном диалекте, у меня было отчетливое ощущение, что это не они, а матросы с английского корабля, который как раз стоял на рейде, Бари ведь — портовый город.

Что касается писателей, многих я читал с необычайным — прибегну к этому банальному слову — восхищением, а ни с какой не с завистью, которая является лучшей рецензией, но которой я никогда не испытывал, поскольку не мог равняться с этими, столь восхищавшими меня людьми. Огромное количество знакомых объясняется именно тем, что у меня была совершенно нездоровая мания знакомиться с авторами любимых книг. Мне не довелось узнать Стендаля, более того, не довелось мне узнать и Бабеля, которого я считаю гениальным прозаиком — после смерти Чехова самым гениальным мастером прозы, возможно, не только русской, человеком роковой судьбы и величайшего таланта.

Не довелось, поскольку в то время его уже не было в живых, он был убит человеком по фамилии Блохин, застрелившим Бабеля по приказу Берии, подобно тому, как убивал других великих людей, на которых пал выбор комиссара НКВД. Именно Блохин спустя несколько недель после убийства Бабеля, величайшего русского журналиста Михаила Кольцова, а также величайшего российского режиссера Мейерхольда был командирован в город Тверь (тогда Калинин) и вместе с двумя приставленными к нему шоферами, которые свозили из лагеря в Осташкове пленных, застрелил шесть тысяч триста одиннадцать польских офицеров, жандармов и полицейских из осташковского лагеря, которые и сегодня лежат в могильнике в Медном (до которого немцы вообще не дошли, что является главным доказательством, что это было дело рук СССР, а не Германии). Именно по этому вопросу «Новая Польша», которую одиннадцать лет назад велел мне основать Гедройц, вступила в величайшее сражение с российскими шовинистами, самой крупной правой оппозицией по отношению к правящей в России команде — я имею в виду президента и премьера. Это была битва как раз за места, подобные Осташкову, Старобельску, Медному и Пятихаткам.

Однако вернемся к книгам. Единственное, что меня огорчает в преддверии моего девяностолетия — это мысль, что я всё же не успею прочитать все книги, которые собирался; не успею и вернуться к тем, которые уже когда-то читал, чтобы прочитать их еще раз. Но есть у позднего возраста одна привилегия, острое и прекрасное чувство, которое он дарит: я понял, что всё переживаемое мною теперь, — гораздо ярче, светлее, забавнее и гораздо более интригующе, нежели то, что мне довелось пережить на протяжении долгих лет моей так называемой взрослой жизни. Всё, что я теперь вижу и читаю, люди, на которых смотрю, деревья, под которыми с удовольствием прогуливаюсь, открывается каждый раз заново, потому что мне кажется, будто я испытываю это в последний раз. Это чувство полностью обновляет всякое ощущение. Благодаря ему, вся реальность кажется мне новой, прекрасной и достойной восхищения. С тех пор, как я это осознал, я начал смотреть на мир иначе. Может, не жадно, но с чувством восторга и удивления.

А ведь труд художника, в сущности, сводится к тому, чтобы вызвать чувство удивления вещами уже обжитыми, делами и явлениям, переживаемыми ежедневно, о красоте которых мы просто забыли. Задача художника — вызвать это чувство удивления, восхищения, порой даже восторга. Можно даже назвать это призванием

художника и единственной причиной, по которой мы аплодируем ему или читаем с такой жадностью, с какой я бросался на книги.

Ежи Помяновский. Это просто. Повести Ежи Помяновского, записанные Иоанной Шведовской для II программы Польского радио. / Редактор Эльжбета Йогалла. - Краков-Будапешт: Издательство «Аустерия», 2015.

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «“Сейчас, когда избиратели уже выразили свою волю, прошу вас воздержаться от радикальных нововведений, особенно касающихся конституционного строя либо способных вызвать у людей негативные эмоции”. С такими словами к польскому правительству обратился вчера Анджей Дуда во время торжественного вручения ему свидетельства о победе на выборах». (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 30-31 мая)
- «У новоизбранного президента нет никаких конституционных полномочий, чтобы призывать правительство, парламентское большинство и всё еще действующего президента не принимать важных решений, в том числе касающихся основ государственного и общественного строя. Это, скорее, вопрос политической культуры — можно ли в период, когда президентские функции переходят от одного лица к другому, принимать важные государственные решения», — проф. Анджей Цолль, бывший председатель Конституционного трибунала. («Газета wyborcza», 30-31 мая)
- «Согласно нашей конституции, президент олицетворяет лишь одну из трех ветвей власти (президент, правительство, суды), наделенных равными полномочиями и действующими в пределах своей компетенции. Президент представляет государство, но не выступает в качестве его руководителя или главы. Термина «глава государства» в конституции нет вообще. Это всего лишь дань традиции, что-то вроде морального поощрения, символизирующего доверие и признание со стороны граждан за выполнение управленческих функций, которое одобряют не только избиратели президента, но и те, кто за него не голосовал. Президент не может оказаться выше других ветвей власти, не имеет права пытаться подчинить их себе, а по характеру своих полномочий является должностным лицом, взаимодействующим с правительством». (Вальдемар Кучинский, «Газета wyborcza», 5 июня)
- Фрагменты интервью новоизбранного президента Анджея Дуды (беседовал Роберт Мазурек): Р.М.: Что для вас значит патриотизм? А.Д.: Это любовь к родине, но для меня это не просто чувство, но еще и обязанность. Р.М.: Мы часто слышим, что пора отбросить всю эту мартирологию и перейти к современной модели патриотизма, то есть платить налоги, убирать за своей собакой, не ездить без билета и беречь электроэнергию. А.Д.: Это вы называете патриотизмом? Убрать дерьмо за собственной собакой — это правило приличия, а не патриотизм. Уплата налогов и оплаченный проезд тоже проходят по разряду нормальной человеческой порядочности, я бы не назвал это патриотизмом. (...) Давайте не будем доводить ситуацию до абсурда и путать честность и хорошее воспитание с любовью к родине. Р.М.: Честь? А.Д.: Честь — это когда человек дает слово. И если я беру на себя какое-либо обязательство, то необходимость сдержать данное слово будет для меня вопросом чести». («Жечпосполита», 30-31 мая)
- «Мы стали свидетелями первых после падения коммунистического режима президентских выборов, когда в предвыборной гонке не участвовал ни один из руководителей влиятельных политических партий. (...) Согласно польской конституции, президент скорее властвует, чем управляет. А управляет страной премьер-министр. И хотя главу государства выбирают на прямых президентских выборах и у него есть право вносить в парламент законопроекты, конституция не наделяет президента верховной властью. (...) “Можно стать президентом и потерять власть. Так что партийным лидерам нет смысла участвовать в президентских выборах. Примеры Валенсы и Квасневского наглядно демонстрируют, что это самый настоящий выход на политическую пенсию”, — замечает политолог Рафал Хведорук». (Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 11 мая)
- «Президент Бронислав Коморовский посетил Беловежскую пушу, что-то брякнул там о жуках-короедах, после чего отправился на встречу с железнодорожниками. Н-да. Вы можете представить себе, к примеру, президента Обаму, который едет в национальный парк Йеллоустон, в эту сокровищницу живой природы, чтобы увидеться там со строителями какого-нибудь тоннеля? Анджею Дуде не нужно приезжать в Беловежскую пушу, поскольку один из хорошо известных людей в его окружении, представляющих старую гвардию польских консерваторов — это профессор Ян Шишко, бывший министр охраны окружающей среды, который еще в прошлом году заявлял, что в пушке ежегодно можно вырубать до 200 тыс. кубометров древесины! Такой варварской вырубке пушка не переживала уже давно. Если этому человеку не жалко прекраснейшего леса в Европе, что будет с другими лесными угодьями?». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 22 мая)

- «По данным опроса, проведенного ЦИОМом, 58% поляков доверяют Павлу Кукизу, рок-музыканту и бывшему кандидату в президенты. Второе место заняли нынешний президент Бронислав Коморовский и новоизбранный президент Анджей Дуда (по 54% доверия у каждого)». («Тыгодник повсехный», 7 июня)
- «Павел Кукиз родился в 1963 году в Опольской Силезии, в городе Пачкуве. Он рок-музыкант. Учился на факультете управления Вроцлавского университета, затем изучал право и политологию в Варшавском университете, но учебу не закончил. На местных выборах в 2014 году стал депутатом Сеймика Нижнесилезского воеводства от блока «Беспартийное самоуправление». Состоит в комиссии по зарубежному сотрудничеству и в комиссии по культуре, науке и образованию. На президентских выборах 10 мая 2015 г. за него проголосовали 3 099 079 (20,8%) избирателей». (По материалам журнала «Польска», 15-17 мая)
- «Сторонники Кукиза не станут добиваться уменьшения количества депутатов, зато, без всякого сомнения, будут настаивать на лишении их неприкосновенности, равно как прокуроров и судей. (...) Решение о том, кто в итоге попадет в избирательные списки, примет сам Кукиз. “Я буду уполномоченным на выборах и я буду отвечать за то, кто пойдет на выборы по одномандатным избирательным округам”, — заявлял недавно Кукиз в эфире радио «ZET». (...) Во время предвыборного концерта на гданьской Угольной ярмарке он выкрикнул: «Сейчас не время “предвыборной тишины”. Сейчас время радикализма. Время, чтобы мы вернули себе нашу Польшу. И мы сделаем это на осенних выборах. А на их избирательное право мне плевать!». (Яцек Харлукович, «Газета wyborcza», 6-7 июня)
- «За введение одномандатных избирательных округов на выборах в Сейм высказываются 61% опрошенных, а 20% не поддерживают эту инициативу. Против финансирования политических партий из государственного бюджета выступают 74% респондентов, а 15% хотели бы сохранить этот порядок. За введение принципа толкования законов о налогообложении в пользу налогоплательщика высказываются 88% опрошенных, против — 3%. Данные опроса, проведенного институтом «Номо Номини» 22-23 мая». («Жечпосполита», 1 июня).
- Поддержка партий: движение Павла Кукиза — 24,2%, коалиция «Право и справедливость» / «Польша вместе» / «Солидарная Польша» — 24%, «Гражданская платформа» — 21%, партия Рышарда Петру «СовременнаяРЛ» — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 3%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики — Вольность и Надежда») — 3%, «Союз демократических левых сил» — 3%, партия Януша Паликота «Твое движение» — 1%, «Национальное движение» — 1%. Не определились с симпатиями — 10%. Опрос института «Номо Номини», 5-6 июня. («Жечпосполита», 8 июня)
- «Рышард Петру, бывший советник Лешека Бальцеровича, основал партию «СовременнаяРЛ», выступающую за свободный рынок. Программа партии предусматривает, в частности, прекращение финансирования политических партий из госбюджета, сменяемость депутатов (не более двух сроков подряд), партиципаторный бюджет в каждой гмине, голосование по интернету, (...) ликвидация пенсионных привилегий, упрощение налогового законодательства». (Мацей Орловский, «Газета wyborcza», 30-31 мая)
- «Мне бы хотелось, чтобы в польскую политику приходили люди, имеющие профессиональные достижения в самых разных сферах, как это принято в западных странах. Врачи, ученые, деятели самоуправления, юристы, бизнесмены. К сожалению, многие из тех, кто сегодня заседает в Сейме, умеют работать только депутатами. Однако на мой взгляд, доверие избирателей — это производное от того, чего человек добился в жизни, а парламентская деятельность должна быть лишь инструментом для реализации его идей и замыслов. (...) Два с половиной миллиона человек выступило против передачи государству значительной части денег, сосредоточенных в Открытых пенсионных фондах (ОПФ), и переброски вкладчиков в Управление социального страхования (УСС). Стоя в очередях, эти люди заполняли декларации, чтобы их вновь приписали к ОПФ. Это показывает, что у нашего гражданского общества есть широкое поле для деятельности. Кроме того, подобные вещи наглядно демонстрируют, что от правительства уже никто ничего не ждет. (...) Я — сторонник канцлерской системы, я выступаю за сокращение количества депутатов Сейма до двухсот человек, а сенаторов — до сотни, а также за ограничение депутатских полномочий двумя каденциями», — Рышард Петру («Жечпосполита», 3-4 июня)
- «Рышард Петру (р. 1972) в течение трех лет был советником вице-премьера Лешека Бальцеровича. Кроме того, он является аспирантом последнего и сотрудничает с ним в Фонде гражданского развития. Деятельность Петру протекала в условиях самых сложных для Польши реформ, в том числе реформы пенсионной системы. Он также работал во Всемирном банке, был главным экономистом банков «ВРН» и «РКО ВР», директором по вопросам стратегии банка «BRE», а также одним из партнеров консалтинговой фирмы «PWC». Руководит Ассоциацией польских экономистов». (по материалам «Ньюсуик Польша» от 8-14 июня и «Жечипосполитой» от 3-4 июня)

- Торжественная презентация нового политического объединения «СовременнаяРЛ». «Мы ожидали, что придет около пятисот человек, максимум — тысяча. (...) Но о своем участии заявили... 9 тыс. человек. Стоимость аренды спортивного зала «Торвар» составила 30 тыс. злотых, оплатили ее наши сторонники. (...) Обычно партии свозят публику на свои мероприятия. К нам же люди приехали сами, организовавшись совершенно самостоятельно. Им просто хотелось там быть, вот они и пришли. И поэтому реагировали очень непосредственно. (...) Поколение Круглого стола правит Польшей вот уже 25 лет, эти люди многого добились. (...) Но мне кажется, что они устали и уже плохо понимают окружающий мир. (...) Я предлагаю полякам вот какую перспективу: мы можем стать своего рода Германией Центрально-Восточной Европы», — Рышард Петру. («Газета wyborcza», 3-4 июня)

- «2008 год. Главный экономист банка «ВРН» Рышард Петру в интервью «Польша The Times» заявляет, что «злотый будет расти. Кредиты в швейцарских франках еще долго будут стабильно выплачиваться без всякого риска». (...) В ноябре 2014 г. он вдруг предлагает людям охладить свой пыл. Прогнозы относительно того, что франк будет стоить 4 злотых, оказывается, не имеют ничего общего с действительностью. Примерно через два месяца после этого швейцарский Центральный банк отпускает свою валюту «в свободное плавание», и цена на нее в какой-то момент начинает колебаться где-то на уровне 5 злотых; сегодня она удерживается в районе 4 злотых». (Филип Спрингер, «Газета wyborcza», 3-4 июня)

- «То, чего не сделал год назад Дональд Туск, сделала Эва Копач. После “слива” материалов следствия по делу о “кассетном скандале”, премьер-министр вынудила подать в отставку всех политиков, чьи приватные беседы оказались записаны на кассеты официантами варшавских ресторанов. Она также извинилась перед избирателями за оказавшееся достоянием гласности содержание разговоров ведущих политиков «Гражданской платформы». (...) Правительство покинут три министра — министр финансов, министр здравоохранения и министр спорта, а также трое их заместителей. (...) Также с должности руководителя группы политических советников премьер-министра Польши ушел Яцек Ростовский. Яцек Цихоцкий освободит должность координатора польских спецслужб. Свой пост также покидает маршал Сейма Радослав Сикорский. (...) “Слив” информации позволил Эве Копач заодно выразить вотум недоверия генеральному прокурору Анджею Шеремету. (...) О прекращении своей политической и общественной карьеры заявил и бывший министр внутренних дел, а до недавнего времени глава аналитического центра «Гражданской платформы» Бартоломей Сенкевич». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 11 июня)

- «По мнению генерального прокурора Анджея Шеремета, (...) «не следует называть произошедшее “сливом”. Закон прямо предусматривает предоставление следственного заключения сторонам процесса. Стороны имеют право сделать фотокопию заключения». Фотокопии следственного заключения (в общей сложности 2,5 тыс. стр.) сделали стажеры адвоката, представляющего интересы Марека Фаленты, предполагаемого заказчика “кассетного скандала”». (Сильвия Чубковская, «Дзенник газета правна», 11 июня)

- «Депутат от «Гражданской платформы» Лидия Старонь (...) в 2012 г. вместе с группой коллег по фракции внесли в Сейм два законопроекта: о кооперации и о жилищной кооперации. (...) Депутаты настаивают на необходимости независимого контроля в области кооперации, доступе к информации о доходах руководства кооперативов, упрощении процедуры передачи права собственности и возможности влиять на управление собственным имуществом. (...) Лидия Старонь выбыла из состава созданной по ее инициативе чрезвычайной парламентской комиссии, занимающейся кооперативным законодательством, в феврале, когда была на больничном. (...) Несмотря на формальное неучастие в работе комиссии, г-жа депутат приходит на ее заседания. “Я сделаю всё, чтобы невыгодные для участников кооперации законы никогда не были приняты”, — говорит Лидия Старонь». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 20 мая)

- «Буквально под диктовку нескольких десятков депутатов-охотников были подготовлены изменения в закон, регулирующий охотничью деятельность. (...) При этом были проигнорированы мнения экологов и организаций по защите прав ребенка, требующих запрета на участие детей в охоте, запрета производства и применения ядовитых свинцовых боеприпасов, запрета на подкормку диких животных (нет доказательств, что подкормка снижает убытки сельхозпроизводителей, зато очевидно, что она способствует чрезмерному размножению животных и заманивает их под дула охотничьих ружей — В.К.), а также запрета травли на охоте. Законопроект поддерживают «Гражданская платформа» и Крестьянская партия ПСЛ». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 26 мая)

- «Коалиция экологических организаций «Пусть живут!» и организации по защите прав ребенка протестуют против того, чтобы изменения в законодательстве, регулирующие охотничью деятельность, принимались без учета их мнения. (...) Они также выступают против порядка, согласно которому собственник земельного участка

не имеет право не согласиться с тем, чтобы на его земле проходила охота. А также против того, что в животных можно стрелять уже в ста метрах от жилых домов». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 27 мая)

- «Охотой в Польше занимаются свыше 110 тыс. мужчин и около 3 тыс. женщин. (...) По некоторым данным, в Сейме и Сенате заседают как минимум 80 охотников, то есть примерно каждый седьмой депутат и сенатор. (...) Каждый 330-й польский гражданин увлекается охотой. При соблюдении принципов пропорциональности и общественной партиципации оказалось бы, что в Сейме и Сенате заседают два охотника. (...) Парламентская комиссия по охране окружающей среды, природных и лесных богатств насчитывает 27 человек, из которых охотниками являются 10 человек, включая председателя. (...) В подкомиссии, занимающейся изменениями в законодательстве об охоте, работает семь человек, шестеро из них — охотники. (...) Животные, находящиеся на воле, являются собственностью Государственного казначейства, но при этом их жизнями распоряжается узкая группа людей, составляющая всего 0,3% нашего общества. А когда животное застрелено, оно становится собственностью охотника. (...) Адам Вайрак лапидарно окрестил это “самой быстрой приватизацией”». (Зенон Кручинский, «Дзике жице», май 2015)

- «Сообщение недостоверных сведений в налоговых декларациях не ставит на их авторе позорного клейма и не лишает его доступа к общественно-политической жизни. Финансовые махинации не влекут за собой потерю сенаторской, чиновничьей или управленческой должности. Пассивность общественного мнения непорядочным людям только на руку, и никаких иных санкций, кроме правовых, здесь наступить просто не может. Правда, и они, как правило, наступают слишком поздно, в результате чего граждане еще больше теряют веру в эффективность и применимость законов. В конце концов обществу начинает казаться, что государство не работает, поскольку оно катастрофически бессильно и неэффективно. (...) К примеру, в Варшаве вырублено 140 тыс. деревьев. Реакции — ноль. Наглые инвесторы делают с нашим общим пространством, что хотят. (...) Охраны памятников, природы, публичного и культурного пространства не существует как таковой», — Ежи Науман, бывший председатель Высшей дисциплинарной комиссии адвокатуры. («Жечпосполита», 13 мая)

- «В повседневной медийной подаче нормальная политическая дискуссия обычно касается не каких-либо ценностей, а власти, понимаемой как нечто, дающее человеку ощущение превосходства над другими, деньги и привилегии. А сама политическая деятельность, как ее подают СМИ, сводится не к тому, чтобы достичь желаемой цели путем компромисса и конструктивного диалога, но к базарной торговле в стиле “ты мне, я тебе”, интригам и поиску компромата, зачастую откровенно липового. (...) Распространению такого подхода служит, в частности, критерий “выразительности и колорита”, которым редакторы и журналисты руководствуются, приглашая в студию персонажей, гарантированно поднимающих рейтинг программы и ее “цитируемость”. И не потому, что эти люди скажут что-нибудь умное, а наоборот — от них ждут наглости, глупостей и хамства, способных спровоцировать судебный процесс и очередной виток дискуссии. Годы такого “просвещения” не могли не принести своего закономерного результата в виде растущей из года в год группы людей, настроенных исключительно антисистемно, возмущенных и в то же время глубоко обескураженных. (...) В Польше исчезла серьезная политическая, экономическая, социальная и культурная телепублицистика. (...) В странах, где развитие демократической мысли оказалось на долгие годы насильственно прервано диктаторскими режимами правого и левого толка, отсутствие социального просвещения приводит к результатам, которые мы наблюдаем в Греции, Венгрии, Испании — а также в Польше после первого тура президентских выборов». (Казимеж Журавский, «Газета wyborcza», 28 мая)

- «Американская исследовательская организация Pew Research Center провела опрос в США, Канаде, Германии, Франции Великобритании, Италии, Испании, Польше, России и Украине. Очень тревожную реакцию поляков вызвал вопрос: «Если бы Россия вступила в вооруженный конфликт с одним из ваших соседей, являющихся членом НАТО, должна ли твоя страна оперативно оказать этому соседу военную помощь?». 58% немцев, 53% французов и 51% итальянцев ответили «нет». Выполнить одну из основных обязательств членов НАТО считают необходимым 38% немцев, 47% французов, 40% итальянцев и 49% англичан. (...) Наиболее надежными союзниками оказались американцы (56% ответили «да», 37% — «нет») и канадцы (53% «за» и 36% «против»). (...) 48% поляков считают, что необходимо поспешить на помощь подвергнувшемуся нападению союзнику, а 34% придерживаются противоположного мнения. В контексте польских реалий этот вопрос в действительности означает — нужно ли защищать страны Балтии, если на них нападет Россия?». (Мариуш Завадский, «Газета wyborcza», 10 июня)

- «Согласно результатам опроса, проведенного аналитическим центром Юрия Левады, Польша впервые оказалась в первой пятерке стран, которые россияне считают враждебными. (...) Нашу страну отнесли к недружественным 22% опрошенных. Польшу опережают США (73%), Украина (37%), Латвия (25%) и Литва (25%)». («Газета wyborcza», 9 июня)

- «Российская сторона передала послам стран ЕС в Москве список из 89 граждан Евросоюза, на которых распространяются визовые санкции. Среди них 18 поляков, в частности, Богдан Борусевич, Ежи Бузек, Павел Коваль, Станислав Козей, Марек Мигальский, Анна Фотыга, Яцек Сарыуш-Вольский, Рышард Легутко и Рышард Чарнецкий». («Газета wyborcza», 30-31 мая)
- «Депутаты Европарламента в среду призвали Россию “незамедлительно вернуть польской стороне обломки разбившегося в Смоленске правительственного самолета, а также черные ящики, находившиеся на его борту”. Это лишь часть резолюции, посвященной взаимоотношениям ЕС и России, в которой Европейский парламент подчеркнул необходимость сдерживания агрессивной политики России». («Газета wyborcza», 11 июня)
- «В среду Сейм принял решение об увеличении с 2016 г. расходов на оборону до 2% ВВП. Законопроект о переустройстве и модернизации армии поддержали 402 депутата, против высказались двое, еще двое воздержались. Сегодня расходы на оборону по отношению к ВВП составляют 1,95%. Ожидается, что после одобрения законопроекта расходы на вооруженные силы составят ок. 800 млн злотых». («Жечпосполита», 28 мая)
- «Со следующего года Польша будет тратить на вооружение, соответствующее требованиям и нормативам НАТО, 2% своего ВВП. Россия, несмотря на экономический кризис, потратит на вооруженные силы 84,5 млрд долларов — это на целых 15% больше, чем в прошлом году. Расходы на эти цели уже составляют 4,5% российского ВВП. США тратит на вооружение 3,5% своего ВВП, что в абсолютных цифрах значит 610 млрд долларов». (Михал Болтрык, «Пшеглэнд православный», июнь 2015)
- «Украина предоставила нам, в частности, список с фамилиями офицеров, находившихся в лагере в Старобельске (вместе с данными тех, кто находился там уже после расстрела польских военных), инструкцию НКВД относительно обращения с пленными, а также документы, касающиеся уничтожения следов захоронений жертв преступления в Пятихатках под Харьковом. Игорь Кулик, директор Главного государственного архива Службы безопасности Украины, передал отсканированные копии документов на двух CD-дисках руководителю Института национальной памяти Лукашу Каминскому. Это произошло во время визита представителей института в Киев в середине мая». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 1 июня)
- «Вот уже год с лишним российские масс-медиа проявляют большой интерес к преступлениям украинских националистов из ОУН и УПА в отношении поляков. Представители российских СМИ ищут в Польше историков и свидетелей этих трагических событий, готовых выступить в соответствующих телепередачах и документальных фильмах. (...) История тысяч невинных жертв нужна России лишь в качестве очередного орудия антиукраинской пропаганды, направленной также и в адрес поляков», — Лукаш Каминский. («Жечпосполита», 18 мая)
- «Как заявила премьер-министр Эва Копач, Польша примет 60 семей из охваченной конфликтом Сирии. (...) Фонд «Эсфера» добивается, чтобы в Польше нашли убежище 300 сирийских семей». («Жечпосполита», 27 мая)
- «Европейская комиссия хочет, чтобы Польша приняла 2659 беженцев из Сирии и Египта. (...) В 2014 г. Польша предоставила статус беженца 740 лицам, в основном выходцам с российской части Кавказа. Германия удовлетворила 47,5 тыс. ходатайств о предоставлении убежища, Швеция — 33 тыс., Франция и Италия — по 20,6 тысяч». («Газета wyborcza», 28 мая)
- «По данным опроса, проведенного агентством SW Research, 29,8% поляков выступают за то, чтобы принимать беженцев из Сирии вне зависимости от их вероисповедания, 13,1% считает, что Польша должна принимать исключительно христиан, 24,3% не хотели бы видеть в своей стране беженцев, преследуемых исламистами, а у 32,8% собственное мнение по данному вопросу отсутствует». (по материалам «Ньюсуик Польска» от 8-14 июня)
- «Премьер-министр Эва Копач на встрече с британским премьером Дэвидом Кэмероном за завтраком во Дворце на воде в варшавском парке Лазенки была непреклонна. (...) Решение Кэмерона ограничить социальное обеспечение иммигрантов встретило в Варшаве серьезное сопротивление. “Премьер-министр выразила решительный протест в отношении действий, которые могут привести к дискриминации поляков и других граждан ЕС, легально работающих в Великобритании”, — говорится в сообщении правительственной пресс-службы. (...) Впрочем, заявление британского премьера о том, что в его планы не входит ограничение гарантированного законодательством ЕС права на свободное передвижение, было встречено официальной Варшавой вполне благосклонно». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 30-31 мая)
- «Свежие результаты опроса поляков по поводу их отношения к иммигрантам опубликовал фонд «Иная Африка». (...) Мы доброжелательно относимся лишь к приезжающим из стран бывшего СССР полякам (47%) и

- студентам (свое положительное отношение к ним в зависимости от континента происхождения учащихся демонстрируют от 43 до 47%). Доминирует мнение, что Польша не в состоянии принять большое количество иностранцев (61%), а иммигранты из мусульманских стран часто воспринимаются как террористическая угроза (58%). (...) Почти половина (44%) считает, что “правительство относится к иммигрантам лучше, чем к собственным гражданам”». (Иоанна Климович, «Газета wyborcza», 2 июня)
- «Согласно данным Управления по делам иностранцев, в конце декабря 2013 г. количество иностранцев, находящихся в Польше, составило 121 тыс. человек (без граждан ЕС — 60 тыс.). Это один из самых низких показателей во всем Евросоюзе. Африканцев среди них было всего ок. 5400 человек». («Газета wyborcza», 2 июня)
  - «По данным Министерства внутренних дел, в 2002-2014 гг. Польша предоставила гражданство 38 120 тыс. человек (включая репатриантов). Это ровно 2 932 паспорта в год. В это же самое время из Польши в среднем выезжали 130 тыс. человек ежегодно». (Бартош Марчук, «Ньюсуик Польска», 8-14 июня)
  - «2014 год был для польской экономики особенным в контексте равномерного темпа промышленного роста в каждом следующем квартале. (...) Национальный продукт «брутто» рос со скоростью 3,3-3,6%, прибавочная стоимость «брутто» — со скоростью 3,1-3,6%, потребление домашних хозяйств — со скоростью 3,0-3,6%. Среднегодовой курс злотого по отношению к евро колебался в пределах от 4,18 до 4,20 злотых за евро. Темп роста капиталовложений в основные средства, после двух лет застоя, увеличился в 2014 г. до 9,2%. (...) Улучшение макроэкономических показателей, а также снижение уровня безработицы, высокие темпы роста экспорта и ожидаемое сокращение бюджетного дефицита ниже границы 3% ВВП — всё это производит сильное впечатление на тех, кто следит за состоянием польской экономики. (...) Очередные группы экспертов прогнозируют дальнейший экономический рост Польши», — Богдан Выжникевич, вице-директор Института исследований рыночной экономики. («Жечпосполита», 13 мая)
  - «Рекомендация Европейской комиссии по освобождению Польши из оков процедуры чрезмерного дефицита, направленная в адрес Совета Европы, еще толком “не остыла” (что уж говорить о ее одобрении Советом Европы). (...) Еврокомиссия четко констатирует, что для стабилизации государственных финансов одних структурных преобразований не достаточно, поэтому самое позднее в 2016 году для снижения дефицита необходимо будет предпринять дальнейшие шаги. (...) Рекомендации Еврокомиссии однозначны: исключение предпочтительных ставок НДС, немедленное сокращение объема пенсионных льгот (выплаты горнякам и сельхозпроизводителям составляют 1,5% ВВП ежегодно и не стимулируют поиск работы за пределами упадочных и неэффективных секторов экономики)». (Януш Янковяк, «Жечпосполита», 15 мая)
  - «В 2007-2014 гг. средний доход в перерасчете на одного человека вырос в польской семье номинально на 44%, а реально (с учетом инфляции) на 24%. Быстрее всего растет благосостояние среднего класса, где доходы в перерасчете на одного человека увеличились реально на 28%. (...) Менее всего за указанный период выросли доходы беднейших хозяйств (реально на 15%)». («Жечпосполита», 5 июня)
  - «В среднем государство забирает в виде налогов, пенсионных отчислений и взносов на медицинское страхование около 40% заработных плат. (...) Мы в Польше платим меньше — около 32%, поскольку налоги у нас самые низкие в Европе. “Нетто” мы платим еще меньше, поскольку, пользуясь общественными дорогами или отправляя детей в школы, мы тем самым получаем наши инвестиции обратно», — проф. Эльжбета Мончинская. («Газета wyborcza», 6-7 июня)
  - «Почти 100 тыс. злотых в месяц составил размер заработной платы в руководстве компаниями государственного концерна «Польская энергетическая группа» (минимальная зарплата в Польше равняется 1 750 злотых “брутто” — В.К.), занимающихся проектированием и строительством первой польской атомной электростанции. (...) Согласно налоговой декларации вице-министра Здислава Гавлика в первой половине 2013 г., еще до занятия должности в казначействе, он, в качестве вице-президента атомных компаний «Польской энергетической группы», получил доход в размере 599 340 злотых, что составляет почти 100 тыс. злотых в месяц. (...) Бывший министр казначейства Александр Град после увольнения из атомной компании «Польской энергетической группы» стал в феврале прошлого года вице-президентом компании «Таурон» и на этой должности заработал 1 млн 600 тыс. злотых, то есть получал почти 120 тыс. в месяц». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 29 мая)
  - «Корпорация «Copoco Filips» сообщила, что отказывается от трех своих польских концессий по разработке нефти и земляного сланцевого газа. Корпорации принадлежат одни из самых многообещающих в стране концессий в Поморском воеводстве. (...) “К сожалению, мы не обнаружили достаточных запасов газа, которые

могли бы обеспечить его коммерческую добычу», — сообщила пресс-служба корпорации». (Тадеуш Фурман, «Жечпосполита», 8 июня)

- «Скорее всего, нам уже не стать сланцевым Эльдorado. Шансов на то, что ежегодная добыча сланцевого газа достигнет десятков миллиардов кубометров, немного. Но если бы нам удалось в течение нескольких лет добывать ежегодно, к примеру, 4-5 млрд кубометров, что может оказаться совершенно реальным, то уже стоило бы заниматься разработкой этого газа. Такое количество обеспечило бы четверть общего объема потребления и имело бы большое значение для диверсификации источников энергии и нашей энергетической безопасности», — проф. Гжегож Пеньковский, вице-директор Государственного геологического института. («Газета wyborcza», 19 мая)

- «В 2012 г. штатные экономисты журнала «World Politics» Нольке и Флегенгарт привели Польшу как типичный пример зависимой экономики. Модель зависимой экономики сформировалась в странах Центральной Европы в результате смены общественного строя. Ее характеризуют зависимость темпа инвестирования от решений зарубежных офисов фирм и банков, трансфер технологий в рамках международных фирм, низкие затраты на образование, а также уступки в пользу квалифицированных работников на коллективных торгах. Эта модель отличается от либеральной рыночной экономики, яркими примерами которой могут служить Великобритания и США. Она также принципиально отличается от политико-институциональной конструкции координирования рыночной экономики, характерной для Германии и Франции», — Миколай Здзярский, адъюнкт кафедры стратегического и международного управления факультета управления Варшавского университета. («Жечпосполита», 13 мая)

- «Польским фирмам выгодно не быть инновационными. Легче принять заказ из Германии на производство какого-нибудь компьютерного узла — это хорошие деньги, и совершенно не нужно создавать постоянное рабочее место для человека, который способен придумать что-то новое, а потом это протестировать. (...) Три года назад Национальная контрольная палата проверила, как расходуются средства Евросоюза на инновации и как функционируют технопарки. Результаты проверки ужасают. Два технопарка работают на высоком уровне, но под видом инноваций там строятся административные здания. (...) Теперь у этих учебных заведений проблемы, поскольку содержание зданий требует денег, тем более, что эти постройки не окупаются. (...) Затраты можно увеличивать до бесконечности, поскольку их легко обосновать нехваткой того или этого. “Может, еще пригодится”, — сказал мэр Фрамполя об окружной дороге, которая стоит пустой. (...) Польский чиновник не может совершить ошибки, административное право такого варианта просто не предусматривает. Поэтому его интересует не достижение серьезных целей, а отсутствие проблем. (...) После вступления Польши в Евросоюз доходы на душу населения здесь выросли в половину. (...) Проблема в том, что Польша бежит за уходящим поездом. После десяти лет в Евросоюзе мы всё еще одна из четырех самых бедных стран Европы. С точки зрения объема экономики в мировых рейтингах мы находимся примерно на двадцатом месте, но если речь идет об открытости, инновационности, конкурентоспособности — то здесь у нас уже не двадцатое место, а сороковое, где-то возле Молдавии и России», — проф. Марек Козак. («Газета wyborcza», 30-31 мая)

- «Почти 8% торговых обязательств польских фирм погашаются через 120 и более дней после наступления срока исполнения обязательства». «В Венгрии с задержкой на почти четыре месяца оплачивается лишь 1% счетов, в Чехии и того меньше. (...) В самых процветающих странах ЕС вовремя оплачиваются 90% счетов. В Польше — 40%». («Жечпосполита», 15 мая)

- «Все больше появляется в польских СМИ публикаций на тему отвратительных взаимоотношений между начальством и работниками. Часто речь напрямую идет о феодальной модели этих отношений. Суть ее в том, что к работникам относятся, как к своим подданным, которые не имеют права выражать собственное мнение, работодатель видит в работниках не партнеров, а исполнителей своих указаний. (...) Эта жесткая система часто обнаруживает в людях их наихудшие черты. (...) В результате появляется новая каста людей, выдающая за добродетель те человеческие качества, которые традиционно считались отрицательными (наглость, высокомерие, жестокость). Это происходит из-за того, что единственным критерием успеха считается достигнутый результат, а средства, благодаря которым его добиваются, равно как и побочные эффекты, никому не интересны. К этому прибавляется полное отсутствие эмпатии, (...) поскольку она может создавать препятствия на пути к успеху. (...) Унижение другого человека стало наиболее удобным инструментом насаждения новых классовых взаимоотношений в мире, где неравенство считается чем-то совершенно естественным. (...) Всё это превращает общество в сборище людей, считающих друг друга врагами, находящихся в постоянной борьбе между собой — борьбе, победить в которой может только тот, кто более решительно избавится от каких-либо угрызений совести», — проф. Анджей Шахай. («Дзенник газета правна», 15-17 мая)

- «Драки, избиения и иные формы проявления агрессии в больницах и поликлиниках стали носить повальный характер. (...) Вот уже пять лет Главная врачебная палата проводит мониторинг агрессии в службе здравоохранения. (...) Больше всего проявлений агрессии зафиксировано в больницах «скорой помощи». (...) Врач, оказывающий больному скорую медицинскую помощь, обладает статусом должностного лица. (...) Тем не менее, врачи, как правило, оказываются весьма разочарованы содержанием постановлений и решений прокуратур и уголовных судов. Когда сын одного из пациентов избил женщину-врача, сломав ей скулу и нос, прокуратура закрыла это громкое дело в связи с отсутствием общественно значимого вреда, причиненного виновным. (...) Случаи оскорблений еще больше распространены, чем рукоприкладство. (...) Чаше всего жертвами агрессии становятся спасатели-медики и медсестры». (Катажина Новосельская, «Жечпосполита», 22 мая)
- «В некоторых гминах вообще не занимаются опекой над бездомными животными, которых просто уничтожают, сообщает Высшая контрольная палата. (...) По оценкам палаты, необходимо срочно менять существующие правила и нормы — к примеру, обязать местные власти регистрировать и маркировать таких животных, в особенности бездомных собак, находящихся в приютах. Каждое животное должно получить электронный чип. (...) Половина подвергнувшихся проверке органов местного самоуправления вообще не интересовалась, что происходит с пойманными животными. (...) Случалось, что некоторые животные попадали в питомники, где не осуществлялся ветеринарный контроль, и часто становились там жертвами жестокого обращения». (Уршуля Мировская-Лоскот, «Дзенник газета правна», 29-31 мая)
- «В четверг Европейский суд постановил, что в Польше отсутствует юридическая защита яйцеклеток, а также плодовых и зародышевых тканей, трансплантируемых в польских клиниках. (...) С жалобой в отношении Польши в 2014 г. в суд обратилась Европейская комиссия, которая еще несколько лет назад пыталась призвать нашу страну к порядку в этом вопросе. Польское правительство, однако, постоянно отвечало, что соответствующий законопроект находится в разработке. (...) Возмещение судебных расходов Европейский суд возложил на Польшу». («Жечпосполита», 12 июня)
- «Американская исследовательская организация Pew Research Center провела ряд опросов в шести крупнейших странах ЕС — Германии, Франции, Великобритании, Испании, Италии и Польше. (...) Самого положительного мнения о Евросоюзе (72%) придерживаются поляки; в других странах-участницах опроса позитивный настрой в отношении ЕС демонстрируют 64% итальянцев, 63% испанцев, 58% немцев, 53% французов и 51% британцев). (...) На вопрос «Успешно ли функционирует экономика твоей страны?» утвердительно ответили 75% немцев, 12% итальянцев, 14% французов, 18% испанцев. В Польше 38% респондентов также утвердительно ответили на этот вопрос, но только 16% поляков считают, что экономическая ситуация в стране улучшится в течение ближайшего года (подобную уверенность демонстрируют 23% итальянцев, 38% испанцев и 25% немцев). (...) 61% итальянцев и 56% поляков негативно относятся к мусульманам (среди немцев, британцев и французов — только 1/5 часть). (...) Нелестного мнения о евреях придерживаются 28% поляков и 21% итальянцев (подобные взгляды высказывают менее 10% немцев, французов и британцев)». (Мариуш Завадский, «Газета wyborcza», 3-4 июня)
- «Паломничество Папы Римского Франциска в Польшу состоится 28-31 июля 2016 г., сообщил кардинал Станислав Дзивиш». («Тыгодник повсехный», 7 июня)
- «На организацию для ребенка первого причастия нужно потратить как минимум тысячу злотых, а некоторые родители не жалеют и пяти тысяч. (...) Платье или костюм обходятся в 350-1500 злотых, альба — 90-150 злотых, обувь 60-150 злотых. Молитвенник, четки, кулон с изображением Богоматери и свеча — 200 злотых. Угощение для гостей — от 900 до 3 тыс. злотых». («Польска», 18 мая)
- «По данным Национального института здоровья — Государственного учреждения гигиены, по сравнению с прошлым годом количество больных сифилисом выросло почти на 25%, триппером — на 1/5, (...) а численность ВИЧ-инфицированных увеличилась почти на 30%». (Янина Биликевич, Иоанна Чвек, «Жечпосполита», 8 июня)
- «Радикальные идеи и фундаментализм становятся все более популярными среди молодых поляков. Остается только молиться, чтобы они поскорее эмигрировали, тогда нам удастся сохранить порядок в стране. Иначе придется поменять правила игры и признать, что эти люди правы», — проф. Януш Чапинский. («Дзенник газета правна», 11 мая)

2: БЕСЕДА С НОВОИЗБРАННЫМ ПРЕЗИДЕНТОМ АНДЖЕЕМ ДУДОЙ

— **Кто вы, господин Дуда?**

— Новоизбранный президент, с чем я и сам еще не освоился.

— **Вы все еще не можете в это поверить? Впрочем, Ярослав Качинский похоже тоже.**

— Я тяжело работал на этот результат, у меня ежедневно проходило в среднем по две встречи с избирателями, поэтому я понимаю, как это все произошло, но пока мне еще трудно привыкнуть к новой роли.

— **Когда вы подумали, что победа возможна?**

— Я так считал с самого начала, иначе я бы не смог вести столь интенсивную кампанию, но три недели назад, когда были объявлены результаты первого тура, я понял, что победа находится на расстоянии вытянутой руки.

— **Вы были уверены?**

— Нет, еще в воскресенье, когда шло голосование, у меня не было уверенности в победе. Утечки информации были не только в твиттере, до меня доходили данные экзит-поллов. И около 14:00 преимущество, бывшее у меня еще два часа назад, исчезло, результат голосования был 51,5 : 48,5 не в мою пользу.

— **Я тогда подумал, что вы все-таки проиграете.**

— У меня тоже была тогда минута слабости. Но мы же не разговариваем о политике, потому что я все равно ничего не могу вам сказать.

— **Вашим первым решением будет установка памятника жертвам смоленской трагедии, не так ли?**

— Пожалуй, все знают, насколько важным был для меня Смоленск, как я переживал эту катастрофу, но теперь мне предстоит быть президентом, а не хранителем или куратором несуществующего музея.

— **А строителем памятника?**

— Я всегда говорил, что этот памятник должен стоять на Краковском предместье, — там, где собирались тысячи людей. Сами поляки таким способом выбрали для него место.

— **На это не соглашаются чиновники, которые отвечают за сохранность памятников старины. Даже на «памятник света»**